

Особенности преподнесения женского начала в романе М. Карагациса «Μεγάλη χίμαρα»

Бечина Анна Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мужское и женское начала во всевозможных своих воплощениях часто становятся объектом исследования специалистов различных областей наук (социологов, психологов и даже историков и лингвистов), соотношение их проявлений в обществе формируют соответственно два культурных типа. Но в целом оба эти начала играют в жизни человечества равнозначную роль, пребывая в состоянии непрерывной борьбы и, в то же время, дополняя друг друга.

Кроме того, женское начало само по себе не является однородным, что нашло отражение в фольклоре и было подхвачено литературой. Так М. Карагацис в своем романе представляет женское начало во всем многообразии его проявлений и подчеркивает не только его созидательную, но и разрушительную сторону. Исследуя подобный феномен, сложно четко определить его объем и сущность. Охватить наиболее полный спектр выражений «женского» и женственности в произведении позволит анализ образа главной героини Марины Реизи. В рамках сюжета автор предоставляет своей героине возможность в полной мере реализовать свою принадлежность к «женскому» через «традиционные» женские роли – жены, как любовницы и как утешительницы своего мужа, и матери. Преуспеть в выполнении этих «женских» обязанностей так и остается для Марины несбыточной мечтой, химерой, ведь она терпит неудачу и в том, и в другом. Автор, однако, во многом оправдывает свою героиню, перекладывая часть вины на других персонажей и обстоятельства. Ярким примером является измена Марины, представленная читателям уже после того как не только ее муж, но и его брат, Минас, ставший ее любовником, полностью дискредитировали себя и сами не могут претендовать на верность и честь. Кроме того, перед тем как провести с ней ночь Минас избивает Марину, заранее наказывая ее за грех, который она совершит. Автор подчеркивает, что героиня не управляет самостоятельно своей жизнью и даже самой собой. Женщина и «женское» в этой системе ценностей являются символом пассивного, в противовес мужскому, то есть «деятельному» началу.

Для самого автора половая принадлежность его героини является важнейшим фактором, недаром он подробно описывает ключевой для формирования женской идентичности момент – первую менструацию. «Женское» в романе представлено, возможно, даже в большей степени как физиологическое, чем как социальное, автор подчеркивает что «телесное», и даже «скотское», «животное» присуще женщине также как и мужчине. Для Марины в осознании своей женственности красота ее тела значит куда больше, чем выполнение социальных ролей, именно «физическое» приносит ей наибольшую радость, но и наибольшие страдания. Тем не менее, было бы преувеличением утверждать, что героиней движут исключительно животные инстинкты, недаром для образа главной героини избран образ интеллектуалки, важнейшим интересом которой на протяжении всей жизни остается литература. Марина склонна к рефлексии, ее духовная жизнь стоит для нее на первом месте, страсти же существуют подспудно, иной раз незримо для нее самой. Так и к измене ее приводит именно духовная близость с Минасом, которую высмеивает муж Марины: «Πνευματικο-ψυχική επαφή μεταξύ δύο διανοουμένων!» (Духовно-психическая связь двух интеллигентов! Пер. мой) [Καραγάτσης: 143]. В то же время, мужчины, восхищаясь ее умом и начитанностью, ни на секунду не забывают, что перед ними привлекательная женщина. Марина кружит им голову, не прилагая к этому никаких усилий, сила ее собственной красоты и притягательности для нее самой всегда как бы в новинку, она не осознает ее в полной мере. Так конструируется сложный образ, вобравший в себя черты, приписываемые женщинам на протяжении длительной

культурной и, в частности, литературной традиции: Марина – и элегантная Прекрасная Дама и роковая женщина одновременно.

В то же время, для М. Карагациса образ Марины – это не образ абсолютной женственности, напротив, он во многом противопоставлен другим женским образам в романе – она не склонна ни к сплетням, ни к страхам и суевериям, в противоположность этому ей свойственны некоторые «мужские» черты, например, стремление анализировать. Более того, она образованна, что является в рамках романа, скорее, мужской прерогативой.

Многие мужские образы при этом не представляют собой образцы абсолютной мужественности, например, постоянно подчеркивается женственность Минаса. Так в произведении постулируется относительность понятий о типично «мужском» и типично «женском».

Нельзя не отметить позиции самого автора в его произведении. «Карагацис, несмотря на все свои познания в области психоанализа, является не столько художником психологических состояний и оттенков, сколько проникательным наблюдателем действительности, который умеет изобразить ее до мельчайших подробностей.» (Пер. мой) [*Πολίτης*: 311–312]. То есть связь автора с текстом невероятно глубока, и помимо художественных задач, которые он выполняет при помощи определенных приемов, в произведении присутствует и то, к чему он приходит интуитивно, что проявляется в независимости от его прямой воли. Текст романа всецело подчинен образу главной героини, и сам автор незаметно начинает отождествляться с ней. Такое своего рода уподобление вновь наводит на мысль о стереотипности представлений о «мужском» и «женском» вообще.

Женское начало в романе М. Карагациса всеобъемлюще, его воплощение выходит за рамки образов персонажей и их взаимоотношений, в его плоскости осмысляются даже абстрактные понятия, наделенные характерными «женскими» чертами: образ Греции как ласковой и заботливой матери или образ моря как коварной и непостоянной разлучницы. Таким образом, женское начало, столь многогранный феномен, переходит границы социального и культурного стереотипа и превращается в неотъемлемую характеристику художественного мира романа.

Литература:

Καραγάτσης Μ. Η Μεγάλη Χίμαιρα. Αθήνα, 2008

Πολίτης Α. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 2006.